

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ:

“Участвуйте в Сопротивлении!”

Олег ХОМЯКОВ

Чувство

Он любил Урал, любил Свердловск. Какие-то страницы его жизни связаны с этой землей, со старым Екатеринбургом, но он никогда об этом не упоминал. Биографическое здесь можно, наверное, уподобить ручью, который, вскипая в камнях, образует реку, а она питают озеро. Так и его чувство: скорее гражданское, чем личное. Сокровенная география, которая есть у каждого, где обведена земля-опора, земля-магнит. Пусть не обетованная. Но на нее всегда можно положиться, и туда всегда тянет.

Он снимал Урал. Фильм “Учитель” как-то назвал любимой своей картиной: даже в ряду таких эпопей, прославивших его имя, как “Молодая гвардия”, “Тихий Дон”, “Люди и звери”, дилогия о юности Петра Великого. В Свердловске снял он лирическую киноповесть “Дочки-матери”.

Он приезжал на Урал. Любил в нем русскую золотую провинцию. Тут нет преувеличения — ни буквального, ни сущностного. От профессора-геолога Малахова я слышал, что в Свердловске можно извлечь микрочастицы золота в любой точке: такова почва, таковы грунты. А в фильме “Журналист” мы помним редактора провинциальной газеты Алексея Реутова в исполнении С.Никоненко и провинциальную девушку Шуру Окаемову, роль которой сыграла Г.Польских, и помним слова режиссера-постановщика об этих имен-

но персонажах: “Положительный герой, которого мы так жаждем и так ищем, живет в провинции”. Он еще добавил, что так и всегда было в России, что со времен “Бедной Лизы”, пушкинской Татьяны, тургеневских девушек эта традиция прошла красной нитью через всю отечественную культуру.

Приезжая к уральцам, гость, столь же знатный, сколь и желанный, в первый же день, как правило, посещал Свердловскую киностудию. Это было по-настоящему интересно. Рассказывал московские новости, делился творческими планами, — но как-то по-особому нам льстило. Посидеть в директорском кабинете час-другой за откровенной беседой, в обществе знающего человека, равно ко всем благорасположенного, — настоящая радость! Раз от разу все интереснее рассказы гостя. Фильм-портрет о нем — “О, кино, кино!”, снятый под маркой уральской киностудии, всюду и всеми смотрелся. Вот почему однажды, когда я оказался за столом рядом с ним, нельзя было не задать вопрос о мемуарах. Помню, я глотнул чай и обжегся, но то, что услышал, “обожгло” круче.

— Не пишу и не собираюсь писать. Правду — нельзя, полуправду — не хочу: она, как известно, еще хуже лжи... Прошлое — “жжется”. Что-то невозможно рассказать, как было. Дело тут даже не в цензуре. Это трудно, это больно, это страшно! — Он горько улыбнулся. — И не нужно.

Правда

Сергей Аполлинариевич Герасимов. Прижизненный классик российского советского кино. Режиссер, сценарист, актер. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. Доктор искусствоведения, профессор ВГИКа, носящего ныне его имя. Руководитель прославленной режиссерской и актерской мастерской. Лауреат Государственных премий, обладатель почетного диплома Гильдии режиссеров США... Выражаясь языком хемингуэевских героев, абсолютный чемпион по знакам творческой доблести и регалиям знаменосных отличий.

Сегодня нечасто вспоминается это имя. Хотя фильмы С.А.Герасимова показываются по телевидению и отлично смотрятся. Причина, возможно, в том, что при жизни ему, художнику-реалисту, было воздано сполна. Написаны книги, исследования, и к главному нечего добавить. А мемуары? Страшная правда?.. Тоже этого хватало: про всех и про все. Так, да не так! Вообще — почему, если “правда”, то сразу “страшная”? Причем — во все эпохи. А уж в позднейшие — все-таки. Пробую — принимаю за данность отказ от книги воспоминаний — разгадать эту загадку мастера.

Взорванные храмы, разбросанные камни... Вызов? Да. Но — так ли разделены по времени разрушение и созидание? “Время собирать камни” — это как

Мечта

Герасимов был первым значительным кинематографом, который посмотрел в зале Свердловской киностудии большую партию материала фильма “Угрюм-река”. Все увиденное понравилось ему. Режиссер Ярополк Лапшин получил огромный заряд творческой энергии. На том самом обсуждении Сергей Аполлинариевич сказал:

— А у меня, знаете, есть свой замысел для телевидения. В один прекрасный день я в сопровождении свидетелей и, разумеется, со скрытой камерой выхожу из своего гостиничного дома (отказавшись от квартиры, Герасимов жил в гостинице “Украина”. — О.Х.) и останавливаю первого попавшегося прохожего моих лет. Знакомлюсь, славлюсь о

будущих с ним встречах и — снимаю о нем кино. Мое глубокое убеждение: в многогранном нашем Отечестве буквально любой человек — готовый персонаж. Если не романа, то повести, фильма, пьесы. Что до моих сверстников, так о каждом можно снять сериал! Тут и революция, и войны, и небывалый труд, и котел кипящих страстей. Вот сниму “Красное и черное” — и примусь за “Первого встречного”...

Стендаль состоялся, “Лев Толстой” с режиссером в главной роли (тоже один из заветных планов) — также. А Герасимов-биограф, констатирующий реалии человеческой судьбы, — нет. Он отнюдь не отказался от плана: лелеял его, даже определил свидетеля необычного рандеву. И — не успел. Но вот что интересно. Первый Встречный обязан

Вершина

Жил в Свердловске человек, увлеченный идеей Нового Города. Который не разрастается, словно опухоль, из старого, тоже зачастую уродливого по застройке, а создается на новых градостроительных принципах. Где жители, к примеру, предпочитают ходить пешком — во имя собственного здоровья. И так все от всего близко, что в эту идею вполне верится... С.А.Герасимов был наслышан о Пешеграде, об архитекторе Л.А.Эппле. Он использовал макет Пешеграда в фильме “Любить человека”. Но на этом все и кончилось: ведь он, кинематографист, большого сделать и не мог. Анатолий Солоницын, исполнитель главной роли, в узком кругу сказал: “Сценарий, написанный самим Сергеем Аполлинариевичем, схематичен и утопичен. Я его “не спасу”. Мы честно объяснились. Но, может быть, Герасимов помог мне с квартирой в Москве: устал я мыкаться по городам”. Надежды актера оправдались. А фильм о градостроителях и впрямь не украсил ни одно из имен, включенных в его титры.

На новой встрече в директорском кабинете мы не могли не обратиться к режиссеру с вопросом: а надо ли ему самому писать сценарии, если для любого писателя было бы счастьем передать книгу в его режиссерские руки? Ведь издаются тысячи книг...

— Я всегда готов отложить

был “озвучить” свою жизнь с неукоснительной полнотой, честностью, мужеством, в которых сам “экранизатор” себе самому решительно отказал! Пускаться в плавание по Морию Признаний ему не хотелось. Его, по-видимому, смущало то же, что и поэта Николая Панченко: по его словам, напиши он книгу о своей жизни, состоящей из сотен встреч, положил бы такую книгу в стол, чтобы не расплывать страсти, и без того сжигающие наших современников. “А сладкие воспоминания в кондитерской упаковке никому не нужны, — заключает поэт. — Жизнь, прожитую во лжи (пусть даже честно, но “по лжи”), не надо продолжать лживой литературой”.

Может быть, именно поэтому и не состоялась запрограммированная встреча с Прохо-

перо, если мне будет предложен роман уровня фадеевского или шолоховского, — услышали мы в ответ. — Но где эти романы? Назовите. Может быть, я что-то просмотрел, их же “тысячи”...

Пришлось потупить взоры. Разве мы сами не были “искателями жемчуга”?

На правах руководителя мастерской С.А.Герасимов много раз репетировал, оттачивал каждый ключевой эпизод будущих полотен. Вышло, как у Чаплина, 50-60 дублей. Успех был предопределен. (Сцены, этюды из толстовской эпопеи, виденные в институте, явно пронеслись в помутненном сознании С.Бондарчука, когда он, придя в сознание после обморока на съемках “Войны и мира”, произнес: “Фильм пусть доснимет Герасимов”). Съемки были тогда остановлены на полгода, но, к счастью для Бондарчука, все обошлось. Да и то сказать: не может ученик не вспомнить об учителе на вираже судьбы... Профессорский уровень фильмов С.А.Герасимова безупречен с точки зрения каждого жанра. Может быть, в мемуарах, где неизбежно пришлось бы сказать немало обидных слов о советской романтике, державшей кино на голодном пайке, С.А.Герасимов тоже не хотел никому причинить боль? Хотя бы для того, чтобы не облегчить вес своих и чужих лауреатских медалей...

Идеал

Нароков

Как-то мы поздравили С.А.Герасимова с очередным званием — Героя Соцтруда. На носатом лице с глазками-буравчиками неопределенного цвета не дрогнул ни один мускул. Сказал: “Петр Алейников не имел званий. Это, нахвать (сокращенное “надо сказать” в его устах. — О.Х.), общая наша вина. Для всех, тем не менее, было очевидно, что он существовал в кино как единственный подлинно народный Артист”. И долго еще говорил о нем как о любимейшем ученике, им самим для искусства открытым. А ведь их была целая плеяда — артистов, сумевших выразить народный идеал: Борис Андреев, Николай Крючков, Борис Чирков, Вера Марецкая, Михаил Кузнецов, Тамара Макарова... Само это слово теперь обветшало — идеал. Сродни ордену или той же Золотой Звезде, с которой мы поздравили С.А.Герасимова: продается на рынке. Шакаля критика тысячекратно издевалась над “вымышленными” героями соцреализма. Слово до Горького не звучало слова

реалиста Достоевского: “Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает... Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать!”

Идеалом, которому присягали герои фильмов С.А.Герасимова, было, конечно же, массовое, государственное, патристическое сознание. Умело развитое коммунистической идеологией — чего никто не вправе у нее отнять. Может быть, это — единственное, что прикроет, как бинт снегов — поле сражения, все ее прегрешения перед Истиной, перед народом... Оно утрачивалось с годами. Выветривалось на дурацких издалека ветрах и подтачивалось у себя дома изнутри. Кто ответствен за это? И в чем трудно было бы признаться действительно члену Академии педагогических наук Сергею Аполлинариевичу Герасимову, начни он тогда свои “Былое и думы”?

Маятник

На студии случилось ЧП, и приезд С.А.Герасимова был особенно кстати: наш гордиев узел он мог рассечь взмахом меча. Надо заметить, что режиссер-эпик обладал бальзаковским ресурсом творческой энергии, никогда не предавался унынию, хотя мог утомиться. На этот случай Т.Ф.Макарова, верный друг жизни и сердца, всегда была рядом, и титан быстро обрел форму. В тот его визит к нам, на наше счастье, самочувствие его было просто отменным. “Добрый знак!” — обрадился мы Бориса Галантера. И как в воду смотрели.

Талантливый режиссер-самоучка, Боря получил возможность сделать шаг из документального кино в игровое: студия поручила ему заказ Центрального телевидения на фильм-концерт уральских мастеров искусства. Галантер выложился “на все сто”. Чего только не было в его трюхастевой “Ярмарке”! И солонье пение, и скоморошья утехы, и хороводы, и пляски, и гармонии, и дудки. Снято лихо, смотри да радуйся. Мы и радовались. Но главный редактор, назначенный к нам обкомом КПСС, сначала насторожился, потом приуныл, потом вывел... КГБ! “Лагерные атрибуты” — указал он на экран. — Скоморох, которого другой подхватывает за ноги, чтобы он шел на руках, изображает тачку! Помните: “Грязной тачкой рук не пачкай...” Габисты вспомнили. “А вот еще: танец у сапожной лавки. Над танцорами висят сапоги. Намек ясен: искусство — под каблучком”. Это удолело самолюбие товарищей в штатском. Фильм, несмотря на общие наши восторги, а также тяжбу с редактором-цензором, лег на студийную полку.

С.А.Герасимов, посмотрев “Ярмарку”, сказал: “Вы, нахвать, все призы заберете на

всех фестивалях с этой фильмой”. И хотя “обкомовский” редактор позвонил на ЦТ, вырвал свое цензорское “фэ”, лента была выпущена из стен студии. А кинематографическую Москву уже облетел отзыв С.А.Герасимова, да и многолюдный отдел заказов телефильмов пришел в восторг от уральского самоцвета. Осталось показать С.Г.Лапину — тогдашнему председателю Гостелерадио СССР. Разумеется, этому человеку было по его каналам должно все. Фильм он посмотрел молча. По окончании, не поворачивая шеи, спросил:

— Кто режиссер? Я запомнил фамилию.

— Галантер. Борис Галантер.

— А оператор?

— Шапиро... Борис Шапиро.

— Композитор?

— Биберган Вадим.

— Все ясно, — он потер руки и повернулся к редакторской публике. — Так кто что скажет?..

И надо же такому случиться! Все сказали, что хоть талантливости режиссера очевидна и что хорошо бы его запустить в штат ЦТ (что и случилось, и Борис впоследствии снял несколько блистательных картин, пока смерть его не настигла), в данном конкретном случае он создал “вампку”, которую выпускать в эфир нельзя, надо переделать, а лучше всего — смыть. “Так тому и быть”.

С.А.Герасимов никогда не бросал в бедах своих учеников. Как и своих слов на ветер. Он прилагал усилия, чтобы спасти “Ярмарку”: ведь удалось же ему когда-то спасти от разгрома “Застава Ильича” и многие другие картины!..

Но “в данном конкретном случае” усилия его были тщетны. И, может быть, такое — в мемуарах — бередило бы раны. А силы, хоть и бальзаковские, уже таяли.

Завещание

Все чаще вижу печальные сны. Как бы “обезлюденные”. Знакомые города, места: все — как в мое время. Только — мало людей. Ясно, почему: и возраст, и разрушение почтовых связей (ведь сделано все, начиная от цены конвертов, чтобы разъединить нас, забить, словно гвозди в стену, в самих себя), и нешумное бытие родного городка. Привыкаю. Как будто — в пустом директорском кабинете. Стараясь вспомнить и вспоминая строку поэта (Самойлова? Коржавина?) — “Велики нет, и все разрешено”. А сказать ее почему-то не получается. И ничего не говорит великий — молчит, как знак ненаписанных мемуаров. “Не писал и ни-

когда не напишу, — пробурчал точно так же А.Н.Туполев. — Я — строитель самолетов, и у меня мало времени”.

Кинематограф истязателей автомобилей, крушителей мебели, насильников над женским телом, каскадеров и пиротехников — это тараканы, кишасящие в нише, которая не будет пустовать вечно. Река, ушедшая под землю, выйдет на поверхность.

Вспоминается последняя роль — С.А.Герасимов в гриме Льва Толстого. Говорю ему: “Происходит нечто вроде эстетического фашизма”. Он: “Участвуйте в Сопротивлении”.

Кадр из фильма “Учитель”

Кадр из фильма “Тихий Дон”